

УДК 101.1:304

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НОСТАЛЬГИИ¹

Иванов Андрей Геннадиевич

Саратовский национальный исследовательский университет имени Н.Г. Чернышевского, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал)
(г. Липецк, Россия)

Аннотация

В статье рассматривается распространенное определение феномена ностальгии и оценивается его место в системе современной социальной мифологии. Последовательно показывается связь ностальгии с компонентами онтологической, гносеологической, аксиологической и пракиологической частей социальной мифологии. Делается предположение, что выделенные С. Бойм реставрирующее и рефлексирующее измерения ностальгии соотносятся, соответственно, с процессами мифотворчества и мифологизации. На примере советской ностальгии демонстрируется пракиологическое измерение мифа. Отмечается, что особенности ностальгии по советскому прошлому, (объектализм, материализация), позволяют с нового ракурса взглянуть на современные мифоритуальные практики, наполненные аффектами, обостренным чувством идентификации с советским прошлым, хранящимся в памяти соответствующих поколений. Делается вывод, что обозначенные линии сравнения ностальгии и мифа позволяют говорить о том, что ностальгия заслуживает того, чтобы считаться одной из атрибутивных характеристик современной социальной мифологии. Однако, дальнейшие исследования на этом поле потребуют не только глубокого анализа взаимосвязи соответствующих феноменов, но и опоры на дополнительные теоретические положения.

Ключевые слова: ностальгия; система современной социальной мифологии; мифотворчество; мифологизация; постсоветская ностальгия.

THE MYTHOLOGICAL DIMENSION OF NOSTALGIA

Ivanov Andrey Gennadievich

Saratov State University, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk Branch) (Lipetsk, Russia).

Abstract

The article examines the widespread definition of the phenomenon of nostalgia and assesses its place in the system of modern social mythology. The connection of nostalgia with the components of the ontological, epistemological, axiological and praxiological parts of social mythology is consistently shown. It is assumed that the restorative and reflective dimensions of nostalgia highlighted by S. Boym correspond, respectively, to the processes of myth-making and mythologization. The praxiological dimension of the myth is demonstrated by the example of

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах».

Soviet nostalgia. It is noted that the features of nostalgia for the Soviet past (objectalism, materialization), allow us to look from a new perspective at modern mythological practices filled with affects, an acute sense of identification with the Soviet past, stored in the memory of the respective generations. It is concluded that the indicated lines of comparison of nostalgia and myth suggest that nostalgia deserves to be considered one of the attributive characteristics of modern social mythology. However, further research in this field will require not only a deep analysis of the relationship of the relevant phenomena, but also reliance on additional theoretical provisions.

Keywords: nostalgia; the system of modern social mythology; myth-making; mythologization; post-Soviet nostalgia.

«Can you remember, remember my name
As I flow through your life?
A thousand oceans I have flown
And cold spirits of ice,
All my life
I am the echo of your past»

Иэн Гиллан, «Deep Purple» («Perfect Strangers», 1984)

Введение (Introduction)

Не знаю, повезло мне, или нет, но я всю жизнь живу на одной территории: в городе Липецке или в окрестностях. Я знаю, что в любой момент могу позволить себе сходить в те места, где прошло мое детство и юность: детский садик, школа. Знание того, что буквально в течение получаса ходьбы или езды ты можешь оказаться там, дает ощущение неразрывной связи с прошлым. Естественно, что большинство детских ярких впечатлений было связано с родным городом: отмечания 9 мая на площади Героев; посещение чешского Лунапарка, располагавшегося у дворца спорта «Звездный» и многое другое.

Примечательно и то, что все эти события прились преимущественно на период существования Советского Союза. Я прекрасно помню те времена и, конечно, те пространства, оказываясь в которых сегодня и обнаруживая то, как кардинально они видоизменились, пытаешься разобраться с феноменом ностальгии, так сказать, на собственном примере. Ностальгия – это что? Память и тоска об ушедших временах, пространствах, людях, сообществах, государственных образованиях, или что-то другое? Как ностальгия может быть связана с мифом?

Наша цель – лишь наметить векторы, линии связи ностальгии и мифа: показать, на какое место ностальгия сегодня претендует в системе современной социальной мифологии. Попытаться подойти к вопросам, с ностальгией ли современное цифровое российской общество воспринимает советское прошлое, и – если да – то какова природа такой ностальгии. И можно ли вообще рассматривать феномен ностальгии в качестве атрибутивной характеристики современной мифологии?

Методы (Methods)

Ранее [Иванов 2019] мы применили системный подход к изучению современной социальной мифологии, выделив несколько частей – онтологическую (состоит из таких элементов как представления о времени, пространстве, части и целом, причинно-следственной связи), гносеологическую (включает мифологическое сознание, мифопоэтическое мировосприятие, мифомышление),

аксиологическую (к ней относятся идентификация, вера, представления о сакральном и профанном) и праксиологическую (охватывает разнообразные мифологические повествования, ритуалы). Такое – системное – рассмотрение мифа представляется нам достаточно удобной рамкой для разговора о феномене ностальгии. Тем более, что понятие ностальгии пока еще не получило развернутого социально-философского обоснования, а фактически единственным автором, который придавал исследованиям ностальгии концептуализированный вид, была С. Бойм, в работах которой, впрочем, линии теоретизирования были намечены в основном схематично. В частности, автор, предварив свое повествование о ностальгии историческим контекстом, в котором были упомянуты многие фигуры – от создателя термина, швейцарского врача И. Хофера и романтиков начала XVIII в. до литераторов и социологов XIX–XX вв., – выписывает следующее заключение: «К сожалению, я не могу предложить лекарство от ностальгии, хотя опиум, пиявки и поездка в Альпы могут помочь на первых порах. Я могу только описать историю болезни и предложить ее условную классификацию. Тоскование – человечно и потому неизлечимо. “Алгия”, тоскование как таковое, сближает нас друг с другом. Проблема в “ностосе” – понятии дома, которое делит нас на своих и чужих. Как соседи на коммунальной кухне, мы спорим о том, кто не погасил свет в местах общего пользования и кто первым заварил кашу. Мы создаем разные сюжеты о потерянном доме и ищем виноватых. Можно условно выделить два ностальгических сюжета – реставрационный и иронический (рефлектированный). Реставрационная ностальгия ставит акцент на “ностос” – дом и пытается восстановить мифический коллективный дом. Рефлектированная ностальгия размышляет об “алгии”, тосковании как таковом. Два типа ностальгии могут использовать одни и те же детали и элементы памяти, но создают из них резко отличающиеся истории» [Бойм 2022: 310].

Как С. Бойм выделяет два измерения ностальгии – рефлексирующее и реставрационное – тем самым, предлагая оценивать феномен ностальгии как состоящий, как минимум, из двух частей; так и мы, рассматривая современный миф, выделяем в нем две уровня – «архаический» и «конъюнктурный» («инструментальный»). Далее мы покажем, что такое двухчастное деление ностальгии корреспондирует с характеристиками мифологического сознания, включающего как процессы мифологизации, так и процессы мифотворчества. Исследователи [Будрайтскис 2019; Николаи 2022], оценивая концепцию С. Бойм, склонны полагать, что автор считает рефлексирующую ностальгию хорошей, не имеющей социально-политические претензии, а реставрационную – плохой, которой следует избегать. Кажется, такое отношение можно перенести на процессы мифологизации и мифотворчества и усматривать в работе творцов мифов исключительно негативные составляющие, но, что касается «работы мифа», а также измерений «конъюнктурного» уровня мифа, то далеко не все там следует трактовать однозначно. В частности, мобилизационный потенциал мифа, реставрирующей ностальгии может быть использован для выполнения конструктивных функций.

Литературный обзор (Literature Review)

В поисках определения понятия «ностальгии» будем и далее руководствоваться ставшими уже классическими работами американской исследовательницы советского происхождения С. Бойм.

В добавленной специально для русского издания части «Искусство забывания и ностальгии» книги «Общие места. Мифология повседневной жизни» С. Бойм поясняет свое определение ностальгии, оценивая постсоветское общество начала 2000-х годов:

«Ностальгия – это меч с двойным лезвием: обещая деполитизацию, она становится любимым политическим оружием» [Бойм 2022: 305];

«Ностальгия – это попытка повернуть время вспять, преодолеть необратимость его течения, превратить историческое время в мифологическое пространство. Однако сама потребность в ностальгии исторична. Она может быть защитной реакцией, ответом на ломки переходного периода истории. Ностальгия ищет в прошлом той стабильности, которой нет в настоящем, тоскует о потерянных местных наречиях и медленном течении времени» [Бойм 2022: 307];

«Ностальгия – не враг современности, а ее составная часть. В XX веке ностальгия идет рука об руку с китчем. Ностальгия коммерциализируется и приватизируется, превращается в ассортимент сувениров, персонализированных на любой вкус» [Бойм 2022: 309].

В этих определениях просматриваются новые черты как реставрирующей ностальгии («любимое политическое оружие»), так и ностальгии рефлексивной («защитная реакция»), которая, впрочем, также может быть использована и в коммерческих интересах.

Конечно, ностальгия является универсальным явлением, получившим разную акцентуацию в национальных культурах. Так, тема рефлексивной ностальгии связана с саудаде [Тейшейра 2021], с румынским феноменом дор и т.п.

Показательны и характеристики рефлексивной ностальгии – ироничность, фрагментарность, персональность. То есть такой тип ностальгии принципиально не обладает целостностью, связан исключительно с собственными субъективными ощущениями, а также обладает эстетическим потенциалом, проявляющимся в сатирической форме посредством приема иронии как осмеяния, одной из форм отрицания: «Отличительный признак иронии – двойной смысл, где истинно не прямо высказанное, а противоположное ему, подразумеваемое; чем больше противоречие между высказанным и подразумеваемым, тем сильнее ирония. Осмеиваться может как сущность предмета, так и отдельные его стороны; характер иронии, объем отрицания неодинаков; в первом случае ирония имеет значение уничтожающее, во втором – корректирующее, совершенствующее (сатирическая и юмористическая ирония)» [Борев 2003: 171].

Особый интерес для современного российского общества вызывает советский период существования страны и соответствующая – постсоветская – ностальгия. О том, что граждане Российской Федерации с особыми чувствами относятся к советскому прошлому, свидетельствуют результаты многочисленных социологических опросов [см. напр.: 100 лет...]. Кроме того, феномен ностальгии по советскому позволит нам лучше понять праксиологическое измерение мифологии.

Дело в том, что в последнее время возникает буквально бум интереса к периоду существования СССР (особенно – позднего СССР): выходит множество тематических монографий [Архипова, Кирзюк 2020; Бойм 2022; Голубев 2022; Каспэ 2018; Михайлин 2017; Рейли 2015; Юрчак 2020], в которых антропологами, историками культуры, философами, политологами, социологами рассматриваются те или иные аспекты жизни людей в позднесоветский период, а также

соответствующие коммеморативные практики [Бордюгов 2022; Бубнов, Савельева 2022; Долгов 2023; Еремеева 2021; Линченко, Головашина 2022; Маслов 2022]. Издаются тематические сборники [Демонтаж коммунизма... 2023; Россия 2050... 2021] и спецвыпуски журналов (Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2022. № 6; Историческая экспертиза. 2022. № 4; Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2022. № 6), в которых демонстрируется самое разное отношение к периоду СССР.

Феномен ностальгии по советскому занимает в этом потоке исследований свое место, находясь в фокусе внимания многих специалистов [Абрамов, Чистякова 2012; Ассман 2019; Бойм 2021; Все в прошлом... 2021; Ушакин 2013; Anthropology and Nostalgia 2015; Kalinina 2014; Post-Communist Nostalgia 2010; Post-Soviet Nostalgia... 2019]. Отдельно, учитывая, что ностальгия есть, прежде всего, отношение к темпоральности, следует упомянуть интерес к советскому прошлому как к модусу времени. В определенном смысле такое отношение подтверждает идеи об «ускоренном пребывании в настоящем» [Люббе 2019], когда советское прошлое мифологизируется, идеализируется, коммерциализируется [Культ-товары... 2020; Линченко, Головашина, Аникин 2019] и, в конечном счете, претендует на то, чтобы быть фундаментом для потенциальной консолидации российского общества, содействуя, тем самым, мобилизационной функции мифа, которой ностальгия сама по себе не обладает.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

Время и пространство, эти важнейшие онтологические характеристики, фактически оказываются ключевыми для осмысления феномена ностальгии. В данном отношении С. Бойм отмечает следующее: «На первый взгляд, ностальгия – это тоска по определенному месту, но на самом деле это тоска по другим временам – по времени нашего детства, по медленным ритмам наших мечтаний. В более широком смысле ностальгия – это восстание против модернистского понимания времени, времени истории и прогресса. Ностальгическое желание уничтожить историю и превратить ее в частную или коллективную мифологию, заново вернуться в другое время, будто вновь вернуться в какое-то место, отказ сдаться в плен необратимости времени, которая неизменно привносит страдание в человеческое бытие» [Бойм 2021: 18].

Борьба с историческим временем делает ностальгию подходящим инструментом для приобщения к мифу. О том, что мифологизация времени представляет собой попытку преодоления календарного, исторического времени, много размышлял М. Элиаде [Элиаде 2000], обращаясь к архаическим мифам. Отечественный исследователь Е.М. Мелетинский, делая обзор теорий мифа в своей известной работе «Поэтика мифа», позицию М. Элиаде определял как борьбу со временем, имея в виду профанное, историческое время. Он полагал, что М. Элиаде углубил представления Б. Малиновского о первобытной мифологической онтологии, показав, что в мифологии не только реальность, но и ценность человеческого существования определяется его соотносительностью с сакральным мифическим временем и «архетипическими» действиями сверхъестественных предков. «Вместе с тем, классифицируя мифы с точки зрения их функционирования в обрядах, Элиаде модернизировал мифологическое сознание, приписав ему не только обесценение исторического времени, но и известную целеустремленную борьбу с “профанным” временем, с историей, с временной необратимостью. В этом якобы и заключается главный смысл периодического

очищения и нового творения, вообще циклической регенерации в ритуалах. Элиаде настаивает, что коллективная память антиисторична, что она признает лишь категории и архетипы, а не исторические события и индивидов, поскольку индивид как бы связан с аутентичностью и необратимостью истории» [Мелетинский 2012: 62].

Отдельного внимания заслуживают обозначенные выше исследования попыток извлечь выгоду из ностальгических настроений рефлексивного свойства [Культ-товары... 2020; Линченко, Головашина, Аникин 2019]. Эти тренды наглядно иллюстрируются музыкой, которая как бы охватывает пространство и время: «...популярная музыка активно вовлечена в масштабные мемориальные и ностальгические процессы, которые исследователи диагностируют в популярной культуре XX века (прежде всего западной – европейской и американской)» [Колесник 2021: 287–288]. И Россия здесь не остается в стороне: стоит отметить очевидную популярность таких проектов как «Старые песни о главном», «Дискоотека 1980-х» и т.п.

Рассматривая далее другие фундаментальные свойства бытия, отметим, что ностальгии имманентно присуща также диалектика части и целого, характерный для мифа взаимопереход целого и его частей, что проявляется в противопоставлении и одновременном сосуществовании ностальгии локальной и глобальной: «В XX веке тоска по прошлому становится определяющей метафорой, описывающей смысл ностальгии, что означало переход от её пространственной дислокации к временной. Современное понятие ностальгии используется в обоих смыслах: как персональная утрата идеализированного прошлого и тяга к нему, так и в качестве интеллектуально-эмоционального конструкта, искажающего публичную версию определенного исторического периода или определенной социальной формации прошлого» [Абрамов 2012: 7–8].

Однако важнейшее сходство было обнаружено нами при обращении к гносеологической части системы социальной мифологии, в частности, к характеристикам мифологического сознания. Дело в том, что данной форме общественного сознания «...присущи процессы, получившие названия мифотворчества (запечатление природного и человеческого бытия в виде мифов, построение мифических сюжетов) и мифологизации (наделение чего бы то ни было мифической образностью). Сложность их определения состоит в том, что оба процесса могут быть не только спонтанными (т.е. носить бессознательно самопроизвольный характер), но и осознанными, когда мифы генерируются целенаправленно» [Смирнов 2006: 31].

Соглашаясь, в целом, с приведенными определениями, заметим, что выделенные С. Бойм реставрирующее и рефлекслирующее измерения ностальгии соотносятся, на наш взгляд, соответственно, с процессами мифотворчества и мифологизации. Так, реставрирующей ностальгии сопутствуют две ключевых мифологических темы, и они связаны, прежде всего, с мифотворчеством: 1) возвращение к истокам (здесь задействован миф основания); 2) теория заговора и противопоставление сторон (здесь проявляется мифотворчество элит, возникают разные мифологии – для узкого круга и для широких масс, актуализируются архаические бинарные оппозиции). Рефлекслирующая же ностальгия соответствует практикам мифологизации, и здесь ироничность, фрагментарность, персональность как характеристики такой ностальгии вполне коррелируют с мифологизационными свойствами. В итоге получается, что «...бинарное противопоставление “плохой” и

“хорошей” ностальгии...» [Николаи 2022] оказывается созвучным, собственно, архаическому мифологическому делению чего бы то ни было на сакральное и профанное, которое сохраняется в специфических формах и в настоящее время.

В центре аксиологической части современной мифологии находятся идентификационные устремления. И для ностальгии процесс установления тождества с определенной социальной группой, историческим периодом – далеко не самый последний. Неслучайным является и то обстоятельство, что в качестве маркеров идентичности выступают такие лозунги как «рожденный в СССР», «мы из СССР» и т.п. И даже онлайн-сообщества имеют характерные названия. В этой связи важным фактором оказывается принадлежность к соответствующему поколению. Например – в контексте ностальгии по советскому прошлому – довольно интересными представляются ностальгические чувства «поколения X» (родившиеся примерно с 1965 по 1980 год), чье детство, юность и – у более старших представителей поколения – начало карьеры пришлось на период позднего Советского Союза. Они имели свой собственный доступ к советской реальности, что немаловажно для генерирования ностальгических процессов.

Наконец, в свете всего вышеизложенного, логично проиллюстрировать праксиологическое измерение мифа ностальгией по советскому прошлому.

Одни авторы выделяют аспекты постсоветской ностальгии: «Ностальгия по советскому исследуется активно и плодотворно, однако, на наш взгляд, упускается из внимания, что внутри этой ностальгии есть различные (хотя и взаимосвязанные) течения, которые условно можно обозначить как “социально-экономическое”, “ценностное” и “имперское”. Первое основано на чувстве утраты социально-экономических благ, связанных с достижениями “реального социализма” (например, уверенность в завтрашнем дне). Второе включает мотивацию ценностную, связанную по преимуществу с коммунистической идеологией, и ориентацию на такие утраченные ценности, как справедливость, равенство, “дружба народов”, уважение к труду, участие в борьбе за светлое будущее всего человечества. Наконец, “имперское” течение ностальгии по советскому акцентирует внимание на таких чертах воображаемого прошлого, как военная и политическая мощь СССР» [Рябов 2020: 32].

Другие авторы [Липовецкий, Михайлова 2021], например, переходят к конкретным примерам и отдельно обращают внимание на современную телевизионную культуру, где, в частности, позднесоветское прошлое претерпело существенные изменения, заключающиеся, прежде всего, в том, что ностальгия теперь приобрела новое качество и «...более не поддается описанию как ресторативная или рефлексивная... <...> Наиболее зримым воплощением этого нового качества стали многочисленные сериалы об “оттепели” и “застое”, сложившиеся в целую отрасль современной российской культур-индустрии» [Липовецкий, Михайлова 2021: 128]. От классических образцов ностальгии эти сериалы отличает то, что «...в них ни в коей мере не замалчиваются ранее запретные или негативные аспекты советской эпохи – произвол партии и КГБ, черный рынок, системная коррупция, организованная преступность, подпольный капитализм, классовое расслоение, элитизм и гламурный полусвет» [Липовецкий, Михайлова 2021: 128]. В итоге делается вывод, что для нового качества ностальгии, которое оформилось в современных российских сериалах о советском времени, лучше всего подходит термин З. Баумана «ретротопия» [Липовецкий, Михайлова 2021: 143]. Конечно, книга З. Баумана [Бауман 2019] представляется

знаковой для современного общества, одержимого прошлым, пытающегося сделать отдельные фрагменты прошлого неотъемлемыми составляющими настоящего и будущего, и связь концепта «ретротопия» с мифом еще предстоит изучить, но, оставаясь в рамках сравнения мифа и ностальгии, обратим внимание на ключевые, на наш взгляд, особенности постсоветской ностальгии: объектализм, материализация.

Примером так называемого объектализма как особенности ностальгии по советскому и специфической – предметной – памяти является медиапроект Л. Парфенова «Намедни», в котором советский период представлен как «предметное время», когда история позднего социализма расщепляется на материальные элементы осмысленного аналитического и повседневного опыта, в результате чего создается эффект временной и пространственной грануляции недавнего советского прошлого. Именно это С. Ушакин и называет объектализмом: «Объекты в данном случае призваны дифференцировать – при помощи связей и пробелов – периоды, процессы или события прошлого» [Ушакин 2013: 226]. Кроме того, сами объекты обладают определенной ценностью, актуализируя аксиологический аспект с его идентификационным потенциалом. Так, в проекте Парфенова советская действительность представляет собой смешение десятков событий, людей, явлений, калейдоскопичным образом представляя зрителю в конкретных объектах то или иное десятилетие.

При этом дополнительными смыслами наполняется взаимодействие именно с материальными объектами. Оно наполняется аффективным содержанием [Голубев 2022], образует особую операциональную интерсубъективность (о ней как о проявлении внутренней рациональности в мифе писал в свое время К. Хюбнер [Хюбнер 1996]), провоцирует в дальнейшем ностальгические чувства, которые проявляются «...как защитный механизм во времена ускоренных ритмов жизни и исторических потрясений» [Бойм 2021: 16]. При этом, по словам А. Голубева, «биографии вещей выявляют глубокие классовые противоречия внутри этих (советских) поколений» [Голубев 2022: 25]. Такой «стихийный материализм» позволяет увидеть, что скрывается за взаимодействием людей и материальных объектов, к чему приводят такие мифоритуальные практики, какие измерения ностальгии в дальнейшем могут быть задействованы.

Заключение (Conclusions)

Обозначенные нами линии сравнения ностальгии и мифа, безусловно, позволяют говорить о том, что ностальгия заслуживает того, чтобы считаться одной из атрибутивных характеристик современной социальной мифологии. Однако, дальнейшие исследования на этом поле потребуют не только глубокого анализа взаимосвязи соответствующих феноменов, но и опоры на дополнительные теоретические положения, не ограничивающиеся интуициями С. Бойм и интенсивно тиражирующимися сегодня в научной литературе идеями других уехавших на Запад специалистов по Советскому Союзу (в основном, это наши бывшие соотечественники: А. Голубев, С. Ушакин, А. Юрчак и др.).

Пока же рассмотрение феномена ностальгии в контексте системного подхода к современному мифу привело к следующим предварительным предположениям:

- ностальгия органично сопоставляется с компонентами онтологической, гносеологической, аксиологической и праксиологической частями социальной мифологии;

- выделенные С. Бойм реставрирующее и рефлексирующее измерения ностальгии соотносятся, соответственно, с процессами мифотворчества и мифологизации как элементами гносеологической части социальной мифологии;
- пример ностальгии по Советскому Союзу ярко демонстрирует праксиологическую часть системы социальной мифологии: особенности ностальгии по советскому прошлому, проявляющиеся в объектализме, материализации и т.п., позволяют с нового ракурса взглянуть на современные мифоритуальные практики, наполненные аффектами, обостренным чувством идентификации с советским прошлым, хранящимся в памяти соответствующих поколений.

Литература

100 лет СССР: забыть нельзя вернуться? // ВЦИОМ Новости. 30 декабря 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja> (дата обращения: 18.07.2023).

Абрамов Р.Н. Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 5–23.

Абрамов Р.Н., Чистякова А.А. Ностальгические репрезентации позднего советского периода в медиапроектах Л. Парфенова: по волнам коллективной памяти // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 1. С. 52–58.

Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи: Городские легенды и страхи в СССР. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 536 с.

Ассман А. Забвение истории – одержимость историей: пер. с нем. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.

Бауман З. Ретротопия: пер. с англ. Москва: ВЦИОМ, 2019. 160 с.

Бойм С. Будущее ностальгии. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. 680 с.

Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. Москва: Новое литературное обозрение, 2022. 320 с.

Бордюгов Г.А. СССР в пространстве памяти, идеологии и национальных историях. Москва: АИРО-XXI, 2022. 384 с.

Борев Ю.Б. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. Москва: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2003. 575 с.

Бубнов А.Ю., Савельева М.А. Память о распаде СССР в контексте разломов общественного сознания современной России (на материалах Telegram) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2022. № 6. С. 79–97.

Будрайтскис И. Брежнев как современник? Ностальгия, ретромания и колонизация советского // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2019. № 2. С. 230–237.

Все в прошлом: Теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Дубиной. Москва: Новое издательство, 2021. 448 с.

Голубев А. Вещная жизнь: материальность позднего социализма: пер. с англ. Москва: Новое литературное обозрение, 2022. 328 с.

Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя / Коллективная монография; под ред. К. Рогова. Москва: Новое литературное обозрение, 2023. 448 с.

Долгов А.Ю. Травма и ностальгия в социальных сетях: осмысление советского прошлого в онлайн-сообществе «Мы из СССР» // *Память в Сети: цифровой поворот в memory studies: сборник статей / под ред. А.Ф. Павловского и А.И. Миллера.* СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2023. С. 50–75.

Еремеева С.А. Память: поле битвы или поле жатвы? Москва: Дело, 2021. 360 с.

Иванов А.Г. Система современной социальной мифологии. Санкт-Петербург: Алетейя, 2019. 182 с.

Каспэ И. В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 432 с.

Колесник А. Популярная музыка // *Все в прошлом: Теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Дубиной.* Москва: Новое издательство, 2021. С. 285–301.

Культ-товары. Коммерциализация истории в массовой культуре. Коллективная монография / ред. М.П. Абашева, М.А. Литовская, И.Л. Савкина, М.А. Черняк. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2020. 348 с.

Линченко А.А., Головашина О.В. Тридцать лет спустя: распад СССР в телевизионной журналистике и интернет-пространстве современной России // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки.* 2022. № 6. С. 56–78.

Линченко А.А., Головашина О.В., Аникин Д.А. От рынка к базару: метаморфозы коммерциализации прошлого в современном мире // *Вопросы философии.* 2019. № 5. С. 49–58. DOI: [10.31857/S004287440005055-5](https://doi.org/10.31857/S004287440005055-5).

Липовецкий М., Михайлова Т. Больше, чем ностальгия (поздний социализм в телесериалах 2010-х годов) // *Новое литературное обозрение.* 2021. № 3 (169). С. 127–147.

Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем: пер. с нем. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 456 с.

Маслов Д.В. От советского человека к россиянину: реформы и социальная эволюция индивида (середина 1980-х – 1990-е гг.). Москва: Научно-политическая книга, 2022. 359 с.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. Москва: Академический Проект, 2012. 331 с.

Михайлин В.Ю. Антропология советского человека. Саратов: ЛИСКА, 2017. 103 с.

Николаи Ф. Ностальгия, советские вещи и антропология «стихийного материализма» // *Новое литературное обозрение.* 2022. № 2 (174). С. 338–346.

Рейли Д. Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и своей стране: пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 544 с.

Россия 2050. Утопии и прогнозы / под ред. М. Ратгауза. Москва: Новое издательство, 2021. 600 с.

Рябов О.В. Ностальгия по холодной войне в современном российском сувенире // *Культ-товары. Коммерциализация истории в массовой культуре. Коллективная монография / ред. М.П. Абашева, М.А. Литовская, И.Л. Савкина, М.А. Черняк.* Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2020. С. 27–39.

Смирнов М.Ю. Российское общество между мифом и религией: Историко-социологический очерк. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 228 с.

Тейшейра А.Б. Философия Саудаде: пер. с португ. Москва: Издательский Дом «Русская Философия», 2021. 176 с.

Ушакин С. Разложение тотальности: объектализация позднего социализма в постсоветских биохрониках // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2013. № 3 (89). С. 221–258.

Хюбнер К. Истина мифа: пер. с нем. Москва: Республика, 1996. 448 с.

Элиаде М. Аспекты мифа: пер. с фр. Москва: Академический Проект, 2000. 222 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение: пер. с англ. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 664 с.

Anthropology and Nostalgia / Ed. by O. Angé & D. Berliner. New York: Berghahn Books, 2015. 244 p.

Kalinina E. Post-Soviet Nostalgia. Stockholm: Soderntorns hogskola, 2014. 279 p.

Post-Communist Nostalgia / Ed. by M. Todorova & Z. Gille. New York: Berghahn Books, 2010. 310 p.

Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empire's Legacies / Ed. by O. Boele, B. Noordenbos, K. Robbe. New York: Routledge, 2019. 244 p.

References

100 Years of the USSR: to Forget Cannot Return? WCIOM News. December 30, 2022. [Electronic resource]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sss-r-zabyt-nelzja-vernutsja> (accessed on July 18, 2023). (In Russian).

Abramov R.N. Time and Space of Nostalgia. In: Sociological Journal. 2012. No. 4. Pp. 5–23. (In Russian).

Abramov R.N., Chistyakova A.A. Nostalgic Images of the Soviet's Recent Past: The Media Activism of Leonid Parfenov. In: International Journal of Cultural Research. 2012. No. 1. Pp. 52–58. (In Russian).

Arkhipova A., Kirzyuk A. Dangerous Soviet Things: Urban Legends and Fears in the USSR. Moscow: New Literary Review Publ. 2020. 536 p. (In Russian).

Assmann A. Forgetting History – Obsession over History. Moscow: New Literary Review Publ. 2019. 552 p. (In Russian).

Bauman Z. Retrotopia. Moscow: VCIOM Publ. 2019. 160 p. (In Russian).

Boym S. The Future of Nostalgia. Moscow: New Literary Review Publ. 2021. 680 p. (In Russian).

Boym S. Common Places. Mythologies of Everyday Life in Russia. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. 2022. 320 p. (In Russian).

Bordyugov G.A. The USSR in the Space of Memory, Ideology and National Histories. Moscow: AIRO-XXI Publ. 2022. 384 p. (In Russian).

Borev Yu.B. Aesthetics. Literary Theory: An Encyclopedic Dictionary of Terms. Moscow: Astrel' Publ., AST Publ. 2003. 575 p. (In Russian).

Bubnov A.Yu., Savelyeva M.A. The Memory of the Collapse of the Soviet Union in the Context of the Fractures of the Public Consciousness of Contemporary Russia (on the Materials of Telegram). In: Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science]. 2022. No. 6. Pp. 79–97. (In Russian).

Budraitskis I. Brezhnev as a Contemporary? Nostalgia, Retromania and Colonization of the Soviet. In: Untouchable Stock. Debates on Politics and Culture [NZ]. 2019. No. 2. Pp. 230–237. (In Russian).

Everything Is in the Past: Theory and Practice of Public History. Ed. by A. Zavadsky & V. Dubina. Moscow: New Publishing House. 2021. 448 p. (In Russian).

Golubev A. The Things of Life: Materiality in Late Soviet Russia. Moscow: New Literary Review Publ. 2022. 328 p. (In Russian).

Dismantling Communism. Thirty Years Later. Ed. by K. Rogov. Moscow: New Literary Review Publ. 2023. 448 p. (In Russian).

Dolgov A.Yu. Trauma and Nostalgia in Social Networks: Understanding the Soviet Past in the Online Community «We Are from the USSR». In A.F. Pavlovskiy & A.I. Miller (eds.) Memory in the Net: a Digital Turn in Memory Studies. Saint-Petersburg: EUSP Publ. 2023. Pp. 50–75. (In Russian).

Eremeeva S.A. Memory: A Battlefield or a Harvest Field?. Moscow: Delo Publ. 2021. 360 p. (In Russian).

Ivanov A.G. The System of Modern Social Mythology. Saint-Petersburg: Aleteyya Publ. 2019. 182 p. (In Russian).

Kaspe I. In Alliance with Utopia. The Semantic Frontiers of Late Soviet Culture] Moscow: New Literary Review Publ. 2018. 432 p. (In Russian).

Kolesnik A. Popular Music. In: A. Zavadsky & V. Dubina (eds.) Everything Is in the Past: Theory and Practice of Public History. Moscow, New Publishing House. 2021. Pp. 285–301. (In Russian).

Cultural Goods. Commercialization of History in Popular Culture. Ed. by M.P. Abasheva, M.A. Litovskaya, I.L. Savkina & M.A. Chernyak. Moscow, Ekaterinburg: Armchair Scientist Publ. 2020. 348 p. (In Russian).

Linchenko A.A., Golovashina O.V. Thirty Years Later: Visions of the Collapse of the Soviet Union in the Television Journalism and the Internet Space of Contemporary Russia. In: The Journal Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science. 2022. No. 6. Pp. 56–78. (In Russian).

Linchenko A.A., Golovashina O.V., Anikin D.A. From Market to Bazaar: Metamorphosis of Commercialization of the Past in the Modern World. In: Russian Studies in Philisophy. 2019. No. 5. Pp. 49–58. (In Russian). DOI: [10.31857/S004287440005055-5](https://doi.org/10.31857/S004287440005055-5).

Lipovetsky M., Mikhailova T. More than Nostalgia: Late Socialism in TV Series of the 2010s. In: New Literary Review [NLO]. 2021. No. 3 (169). Pp. 127–147. (In Russian).

Lübbe H. In the Train of Time: A shortened Stay in the Present. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics Publ. House. 2019. 456 p. (In Russian).

Maslov D.V. From the Soviet Man to the Russian: Reforms and Social Evolution of the Individual (mid-1980s – 1990s). Moscow: Nauchno-political book Publ. 2022. 359 p. (In Russian).

Meletinsky E.M. The Poetics of Myth. Moscow: Academic Project Publ. 2012. 331 p. (In Russian).

Mikhailin V.Yu. Anthropology of the Soviet Man. Saratov: LISKA Publ. 2017. 103 p. (In Russian).

Nikolai F. Nostalgia, Soviet Things, and the Anthropology of «Spontaneous Materialism». In: New Literary Review [NLO]. 2021. No. 2 (74). Pp. 338–346. (In Russian).

Raleigh D. Soviet Baby Boomers. An Oral History of Russia's Cold War Generation. Moscow: New Literary Review Publ. 2015. 544 p. (In Russian).

Russia 2050. Utopias and Forecasts. Ed. by M. Ratgauz. Moscow: New Publishing House Publ. 2021. 600 p. (In Russian).

Ryabov O.V. Nostalgia for the Cold War in a modern Russian souvenir. In: M.P. Abasheva, M.A. Litovskaya, I.L. Savkina & M.A. Chernyak (eds.), Cultural Goods. Commercialization of History in Popular Culture. Moscow, Ekaterinburg: Armchair Scientist Publ. 2020. Pp. 27–39. (In Russian).

Smirnov M.Yu. Russian Society between Myth and Religion: A Historical and Sociological Essay. Saint-Petersburg: St. Petersburg University Press Publ. 2006. 228 p. (In Russian).

Teixeira A.B. Saudade philosophy. Moscow: Publishing House "Russian Philosophy" Publ. 2021. 176 p. (In Russian).

Oushakine S. Decomposing Totality: The Objectalization of Late Socialism in Post-Soviet Biochronologies. In: Untouchable reserve. Debates on Politics and Culture [NZ], 2013. No. 3 (89). Pp. 221–258. (In Russian).

Hübner K. The Truth of Myth. Moscow: Respublika Publ. 1996. 448 p. (In Russian).

Eliade M. Aspects of a Myth. Moscow: Academic Project Publ. 2000. 222 p. (In Russian).

Yurchak A. (2020). Everything Was Forever, Until It Was No More: the Last Soviet Generation]. Moscow: New Literary Review Publ. 2020. 664 p. (In Russian).

Anthropology and Nostalgia. Ed. by O. Angé & D. Berliner. New York: Berghahn Books. 2015. 244 p.

Kalinina E. Post-Soviet Nostalgia. Stockholm: Soderntorns hogskola, 2014. 279 p.

Post-Communist Nostalgia. Ed. by M. Todorova & Z. Gille. New York: Berghahn Books. 2010. 310 p.

Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empire's Legacies. Ed. by O. Boele, B. Noordenbos & K. Robbe. New York: Routledge. 2019. 244 p.

Сведения об авторе:

Иванов Андрей Геннадиевич

ведущий научный сотрудник ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский университет имени Н.Г. Чернышевского», профессор кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента Липецкого филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор философских наук, доцент (г. Липецк, Россия)

E-mail: agivanov2@yandex.ru

Bionotes:

Ivanov Andrey Gennadievich

Leading Researcher, Saratov State University; Professor, Department of Public, Municipal Service and Management, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk Branch); Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor (Lipetsk, Russia).

Для цитирования:

Иванов А.Г. Мифологическое измерение ностальгии // Мифологос. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования». № 2 (6), 2023. С. 152–165.

For citation:

Ivanov A.G. Mythological Dimension of Nostalgia // Mythologos. Series "The Mythical Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies". № 2 (6), 2023. Pp. 152–165.